

ААРИН РИНГ

ВКУС СНА

ЖЕНЩИНА ВНУТРИ СЕБЯ

Аарин Ринг

Вкус сна. Женщина внутри себя

«Издательские решения»

Ринг А.

Вкус сна. Женщина внутри себя / А. Ринг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851378-7

Александра постоянно спит. Она так много спит, что уже не отличает реальность от сна. С кем у нее роман? Со школьником или с новым сотрудником редакции? Или со странным человеком, имени которого нет ни в одной поисковой системе? Она уже не знает, сколько ей лет, она потерялась в собственных снах. Но город вокруг живет и диктует ей свои правила. Александре приходится выбираться наружу. Рассказ ведется от ее лица и отражает тонкости внутренних механизмов женщины, которая живет только внутри себя.

ISBN 978-5-44-851378-7

© Ринг А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Вкус сна Женщина внутри себя

Аарин Ринг

© Аарин Ринг, 2017

ISBN 978-5-4485-1378-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Колготки узкие, с силой всовываешь ногу, вторую, встаешь и натягиваешь. Майка. Школьная форма из тонкой шерсти, немного колется. Заплети. Мамины руки туго стягивают волосы, мягкие руки обхватывают всю голову, шутливо мотают раз-два. Сладкий чай – четыре ложки. Не клади много. Размешай со дна! Намазываешь сливочное масло на печенье: нежный завтрак. По дороге, подмышками и между ног еще тепло из-под одеяла. Ничего не видишь, идешь сквозь вакуум привычного пути. Потом сидишь и смотришь на доску, не фокусируя взгляда. Не хочется лишний раз открывать рот, чтобы не утратить ощущение вязкой теплоты, сладостной горячей влажности, приклеивающей друг к другу все, что есть во рту. Кто хочет ответить? Нет, я не хочу отвечать. Не отвечать. Не открывать рот. Лишний раз не сглатывать слюну, еще полную переживаниями и картинами прошедшей ночи. Полный рот тайных небылиц. К третьему уроку рассосутся, а пока пусть напоминают о том, что я – это я здесь. У меня есть что-то своё, тайна, принадлежащая только мне. Мой личный сон.

Похоже... Я в ловушке сна.

Я в ловушке, взаперти. Я не проснулась. Или проснулась?

Помню себя с тех пор, как взобралась на железную горку в детском саду. Поправив вязаную шапку – с глаз рукой. Я посмотрела на небо – голубое – солнце ослепило меня. Перевела взгляд – красная пятиэтажка. На деревьях только начинает пробиваться листва. Я вздохнула глубоко и почувствовала яркий, густой воздух весны. Солнце везде: и внутри меня, и снаружи. Кто-то следующий толкнул меня в спину, и я с радостным воплем полетела вниз. Это первое долгое воспоминание в моей жизни. Я так любила жизнь тогда. Почему же теперь во мне только ненависть и равнодушие – в лучшем случае? А в остальные, не лучшие случаи – апатия. Черная дыра в моей груди засосала весь свет из жизни. И я стала любить равнодушие – серое, ровное чувство, не причиняющее боли.

Меня зовут Саша. Александра. Мне 29, я живу в Москве в новом веке, в новом тысячелетии. Хотя помню прошлый век и считаю себя его частью. Да, я реликвия из 20-го века. Я полна устаревшими воспоминаниями. Я не ношу розовые джинсы. Мои уши не знают белых наушников.

Я работаю в газете, которую каждый день читают сотни тысяч людей. В газете из прошлого века. Спускаясь в старое метро, они открывают эту старую газету, в которой я работаю. И они читают, путешествуя по кругу. Они читают про политику, происшествия, про известных артистов и про тех, кто хочет стать известным. Читают как будто новые тексты, сложенные из старых букв по старым шаблонам. И все эти буквы предварительно одобрены мной. Не трудно представить их лица: морщинистые, серые, уставшие уже с утра. Народ теперь читает новости только в интернете. У нас говорят, что скоро печатных газет не будет, все уйдут в Сеть. Не люблю Сеть.

Каждый день, выбираясь из своей постели, в которой я сплю одна, одеваюсь и плетусь в редакцию, утаивая во рту то самое вязкое чувство. Весь день я читаю то, что все эти люди будут читать завтра или уже сегодня вечером. Я корректор. Чаще всего моя деятельность сводится к исправлению орфографических ошибок наших журналистов. Об этом ли я мечтала?

В детстве я ходила в школу, потом из школы. Играла с друзьями. Хотела быть Изаурой, потом Анжеликой, потом королевой Марго и мадам де Помпадур. Но мне говорили: «Красотой не проживешь». Я, как дурочка, верила и училась, что было сил, непонятно чему училась, хваталась за все подряд. В какой-то момент я оказалась на улице с дипломом ФилФака в руках и без малейшей идеи насчет того, кем работать мне теперь и чем заниматься. В 22 года у меня был диплом и большая сексуальная неудовлетворенность. Я знала, как читать, я не знала, как общаться. Тем более, флиртовать.

«Филологический факультет – эта такая забавная ветка классического высшего образования. Здесь тебе просто „ставят мозг“. Делают из тебя интеллигента», – сказал однажды за обедом в старой редакционной столовке Митя. Что это значит? Разворачиваю эту мысль в своем анемичном сонном мозгу. Туман постепенно расходится, и вот процесс производства филологов у нас в универе спускается до уровня моего старого сознания: конвейерная штамповка орков в замке Сарумана, если кто смотрел первую часть «Властелина колец» Питера Джексона. На первом курсе твою семнадцатилетнюю невинность и светлые идеалы крошат перфоратором многоуровневого разврата античной литературы. После чего изуродованную студенческую тушу, на которой еще сохранились обрывки детских подштанников, закаляют в горниле античных душевных страстей, и то, что осталось (а остается после таких испытаний, как правило, только чистый сырец твоей натуры, неспособный на сопротивление) аккуратно шлифуют мелким наждаком древнерусской литературы, которая зиждется на священном писании и «Слове о полку Игореве», обрамленных кроваво-голубо-сусальным кружевом разнообразных страданий и поучительных историй, широко представленных в скупом наборе житий православных святых. Некоторые экземпляры на этом этапе выбраковываются – они оказываются сделанными либо из слишком твердого материала, что мешает их «обучению», либо, наоборот, из слишком мягкого, что делает их ломкими и неспособными выдержать основные черты новой личности, личности культурного, образованного человека.

Тех, кто признается годным, отправляют по конвейеру дальше, где на безликую (но подготовленную ко всем возможным сменам температур и орудий труда) болванку как бы небрежно набрасываются прозрачные слои неглубоких знаний и социальных передраг остальных образованных веков. Также питомцу скармливается пара-тройка коробок пресных правил родного языка. Человек получается, в общем-то пустой, но «поживший» эмоционально. Что это значит? Значит, что люди эти способны представить на своей душе любую человеческую боль или, наоборот, радость. Может быть, это было бы даже полезно, если бы не было так фальшиво. Ведь все неисчислимые страсти, из которых состоят их культурные одежды – плод фантазии других людей. Чьи-то замусоленные сказки. Помойка для умов. Но понимание это приходит слишком поздно. Конвейерный болванчик скорее будет до конца жизни делать вид, что у него внутри спрятана конфетка, чем признается в своей безграничной пустоте и неспособности к личным переживаниям.

Далее прощальное пожатие прохладной и жидкой ректорской ладони и жалостливый взгляд в спину свежее испеченному интеллигенту. Он готов терпеть, молчать, внимательно слушать и, согласно ситуации, устраивать перед замороженным собеседником цыганский танец разноцветных юбок, обнажая многослойность липовой натуры из полузабытых знаний. Интеллигентный человек, приятно поговорить. Сто процентов, люди считали бы меня сумасшедшей, если бы могли предположить, что на самом деле варится за толстой стенкой моего котелка. Мне вообще лучше не начинать думать все эти чужие мысли, они настолько материальны, что я могу потеряться в физическом мире, а я в нем почти ничего не смыслю.

Иначе как могло оказаться, что я такая культурная, умная такая, сижу сейчас взаперти в съемной квартире, в которой почти ничего нет? А я сижу – это факт. Я сижу своим старым телом в старой квартире на старом коврике. Все, что я вижу вокруг, было создано в прошлом веке. И я помню, как все вокруг ждали этого Миллениума, думали, что будет что-то особенное. А не было ничего. Мы напились и целовались. И больше ничего. Пустота. Похмелье. Мороз.

Опять меня куда-то занесло в моей голове. Я теряюсь в собственных мыслях. Не удивительно, что я умудрилась закрыть входную дверь так, что теперь не открыть. Я сижу внутри и пытаюсь дозвониться до кого-нибудь. Дозвониться хотя бы до работы, предупредить о том, что могу опоздать. Глухо. На коммутатор редакции невозможно пробиться, сколько ни наби-

рай. У коллег мобильные либо отключены, либо заняты – с ума можно сойти. Сколько можно говорить? У вас там уши не болят? У меня уже болят, слушать ваши нервные короткие гудки и автоответчики. Я слишком замкнута, у меня слишком мало знакомых. Я не знаю мобильных большинства сотрудников редакции, знаю только пару номеров из корректуры, тех людей, с которыми хожу обедать. Мне плевать на них по большому счету, видимо, так как я вообще ничего не чувствую к ним, кроме тени отвращения. Однако, до любимого мной равнодушия к ним я еще не эволюционировала.

Вот, например, один номер принадлежит рыхлому молодому человеку, слишком неуверенному в себе и робкому, чтобы обратиться к малознакомой девушке на «ты». Зато в уши такой привычной части интерьера как я, он может часами заливать восторженный трэш о ком угодно, кроме него самого. Он себя не признает за живого человека и не признает этого. Иногда, совсем редко, меня от него даже тошнит, но я все равно хожу с ним обедать, потому что мне кажется, что ему можно доверять. Он никому не скажет, что я пустая, он этого даже не увидит. Я ни разу не замечала, чтобы он сделал что-то плохое или сказал бы про кого-нибудь настоящую подлую гадость. Он просто рохля, который любит поесть и иногда выпить со «своими». Он одинаковый почти всегда, и любит, чтобы вокруг было такое же спокойствие. За исключением тех случаев, когда мамаша не изматывает его скандалами на тему кандидатской. Тогда у него бывает хорошее настроение, и он злится на окружающий мир. Его речь даже становится приятно саркастической. В такие моменты мне кажется, что я считаю его другом. И тогда я про себя, в тайне, называю его Митей.

Но чаще всего он похож на тупого поросенка из мультфильма «Кошачий суп» Тацуо Сато. Поросенок милый, он дружелюбен ко всем, но остальным на это плевать, его терпят, бьют и едят одновременно. И он согласен жевать свое собственное сало, лишь бы со всеми вместе. Весело, должно быть, и все сыты.

Митя обладает пухлым человеческим телом, обтянутым сероватой кожей, как у тех, кто редко бывает на солнце, и лицом, скудно украшенным скомканной растерянной улыбкой. На ногах пыльные коричневых ботинки со шнурками, которые не развязывались с момента покупки. Сто процентов, Митя вынимает из них ноги, упираясь в задник одного ботинка, носком другого. Мне это гадко. Ест он чаще всего одно и то же. Котлетку с пюре и печенкой. Пьет пиво с обеда, а иногда с утра. Рассасывая куриную котлетку, он любит повествовать о новом древесно-спилочном артефакте мамы.

Митина мама – профессор. Она складывает спилов различных деревьев у себя на даче. Половина дома завалена пыльными трофейными пнями «михайловская аллея», «царское село». Кладбище забытых объектов, захваченных когда-то водоворотами ее научного интереса. Ненавижу научный интерес, если уж ты заражен этой гадостью, от нее не избавишься – хуже стригущего лишая. Редко кому удастся сорваться с его крючка. Он высасывает всю кровь, лишает всех чувств и всего имущества. У меня самой есть склонность так глубоко раскапывать вещи, на которые я обращаю свое жадное внимание, что в какой-то момент становится слышен звук скребущей о дно кастрюли ложки.

Стоп. Внимание. Что же я делаю? Телефон в моей руке, я вижу номера. Судя по всему, я звоню. Да, звоню. Это точно.

Так, есть второй номер телефона из редакции – тоже мужчины, Олега, который работает в компьютерном отделе. Вечный застиранный серый мохеровый свитер в катышках, натянутый на тугую рюкзак круглого живота и крепкие бицепсы, сальные волосы в хвост, круглый блин лица, влажные блеклые глаза алкоголика. Тоска. Олег пишет стихи. Однажды он подкараулил меня у кабинета, достал из-под мышки мятую грязно-розовую тетрадку и попросил почистить, мол, я тихая, ни с кем не общаюсь, не сплю его перед циничными коллегами. При этом

мое мнение, как филолога, его особо не интересовало, он хотел, чтоб я на ошибки проверила, потому что он собрался накопленные деньги потратить на выпуск сборника. На корректуре светил русской поэзии решил сэкономить с моей помощью.

Он пронюхал, что я не общаюсь с мужчинами, и решил распылить перед моим носом свое обаяние. Думал, попользовать мою голову на халяву. Не знал, бедолага, что я таких социальных насильников за километр вижу. И примерно на том же рубеже выставляю перед ними железобетонную стену.

На следующий день он встретил меня в конторе вопрошающим взглядом. Полный игнор с моей стороны. Через неделю он принес мне духи «Amor-Amor», оставил на столе, пока я ходила в столовую. Коллеги, конечно, восприняли этот жест как проявление особенной симпатии. Демонстративно кряхтя, квакая и похрюкивая, ёрзая на своих стульях, сделали вид, будто не замечают этого.

Меня это напрягло. Не надо совать свои тетрадки и флаконы в мою личную жизнь, на мое пространство – мой стол! На следующий день я вернула тетрадь и духи со словами, что не собираюсь поощрять посредственность, читая такую откровенную дрянь. Думаю, теперь он меня ненавидит. Наверное, не стоило так говорить, но он был невыносим. А мне легче отогнать невыносимого человека, чем попытаться его понять. Я вообще не очень люблю дружить. Не люблю делать одолжения или просить, это всегда сковывает, связывает.

Нет, я не хочу ему звонить. Я попробую сама.

Пытаюсь открыть замок снова и снова – нет успеха. Ключ упрямо не идет ни вправо, ни влево. Врезается в пальцы, боль. Не могу же я звать на помощь первых встречных с улицы... Я включаю чайник и смотрю в окно.

Может, бросить эту протухшую работу? Идею устроиться в газету мне подбросила мама. Она тогда работала в областном центре занятости населения и ей попала вакансия. Нужно было читать заметки сначала с монитора, а потом уже сверстанными в полосе, так называется газетная страница. Журналисты, которые у нас работали, делали элементарные ошибки, а когда я вычищала их тексты от мусора, возмущенные, они приходили спорить со мной. Мужчины нависали, обдавая перегаром и запахом несвежих рубашек. Женщины просто так ненавидели меня, каждый день выбрызгивали в мои глаза обильные порции презрения. Я умирала с тоски, читая их гениальные творения про посевные и уборочные, про спектакли местного убогого театра, про кражи цветмета, пьяные убийства или лебезёж перед иностранными гастролерами... как будто они прочитают...

Главред, оплывающий жиром 40-летний неудачник с бегающими свиными глазками, завел привычку ударять меня по заднице, встречая в коридоре. Анжелика, блин... Коллеги корректоры советовали одеваться как можно скромнее и не краситься, чтобы заработать авторитет. И лучше всего завести роман с перспективным журналистом-практикантом – элита все-таки. А меня тошнило от этой журналистской потной богемы. Они курили в кабинетах и напились под вечер, под каждый вечер.

Странно, вот я не могу дозвониться... а почему меня не ищут? Не замечают моего отсутствия на работе? Неужели они не видят, что меня нет? Меня! Меня нет. На работе.

Наливаю кипятка в стакан с пакетиком зеленого чая. Вкус получается немного железным из-за воды. Трогаю свой лоб, кожа шершавая, не молодая уже кожа. Купила какой-то крем в супермаркете, но что там надежды на эти кремы. Может, что-нибудь принимать внутрь? Витамины что ли? Надо прилечь, подумать, как мне быть. Вообще.

Сны – мое спасение, единственное лекарство, которое я признаю реальным и действующим. Во сне я оказываюсь по ту сторону вселенной, мне так кажется. Вот я ловлю рыбу, скидывая удочку со своего балкона. Вот я плаваю в Индийском океане. Вот я путешествую по Ита-

лии. Было ли это у меня когда-нибудь и сбудется ли? При удачном стечении обстоятельств мне жить еще лет пятьдесят. Столько можно успеть за эти пять десятков. А что я, собственно, собираюсь успевать? Бесконечное мелькание будней с перерывами на выходные дни, которые я провожу, пялясь в экран кинотеатра.

Я не нужна никому в свои 29. Никто мне не звонит – у меня нет друзей – зачем они мне? Ни с кем у меня нет общих интересов. Не хочу быть обязанной никому. Не хочу быть обязанной говорить только хорошее только потому, что человек – мой друг. Или пускать его слишком близко в сердце. Это небезопасно. Я слишком чувствительная и онемелая одновременно. Я немного похожа на Колина Ферта в «Одиноким мужчине», первом фильме Тома Форда.

Я проваливаюсь в сон, начинаю ощущать его вкус, разбираю его первые цвета, расплывающиеся акварельными пятнами. Я больше не чувствую ног, рук, голова взлетает, тело перестает существовать. Я слышу прекрасную музыку. Я вижу яркий солнечный свет, я ощущаю его тепло. Я на набережной с белыми перилами. Музыка не прекращается. Я прохожу вдоль ряда торговцев сувенирами, подхожу к музыкантам, треплю кудри барабанщика, он целует мою руку. Я целую его губы. Я совершенно голая и никому это не сюрприз. Спускаюсь к морю – оно бирюзовое, уверена, это Ницца. Я захожу в спокойную воду, светящуюся изнутри. Музыка не прекращается. Я хочу плыть и плыть, не хочу просыпаться. Чайка подлетает ко мне и кричит.

Я открываю глаза, пытаюсь понять, откуда этот мучающий меня звук – звонит мобильный. Беру трубку – там автоответчик, звонят мне и говорят: «Вызываемый абонент недоступен, перезвоните позже». Почему мне автоответчик? Вероятно, я уснула во время набора номера, а потом мне приснился звук вызова.

Стоп. А чай? Я не пила чай, значит. Да, я до сих пор сижу в коридоре на коврике. Ну ладно, пора заканчивать. Я иду кричать в окно.

За окном стоит бездарная картина нищего хрущевского двора в летний полдень. Никого.

Решаю позвонить хозяйке квартиры. Она не берет трубку – на даче, как всегда летом... Наконец, ситуация начинает меня волновать. А что, если я так и не выйду отсюда? О! Страх! Паника! И... Наконец-то – равнодушие, как стакан холодной воды в жаркий день. Ну и фиг с ним, засохну во сне.

У меня нет телевизора, даже советской радиоточки нет. Есть интернет. Но компьютер сломался, на новый – денег нет, на ремонт денег нет, просить знакомых я не хочу.

Я иду в туалет. Сидя на унитазе, ищу глазами по полу, чего бы почитать. Замечаю торчащий из-под стиральной машины бумажный уголок. Тяну и вытаскиваю небольшую книжную страницу. Бумага желтая, по краям темнее, текст размещен с большими полями. Выхватываю предложение: «Им будут даны три одинаковые жизни». Потом начинаю сначала:

«...Тогда Луна отвернулась навсегда, чтобы людям не достались ее слезы. С тех пор ночи стали темными – глаза красавицы больше не освещают землю. А Турулай в наказание должен вечность бродить между мирами, пока черный гриф не принесет ему весть о прощении. Взамен Турулай должен отдать свое тело грифу, а когда гриф наестся, он получит новое, от одного взгляда Луны, которая повернется, чтобы посмотреть на месть богов. К тому моменту человеческий род исчезнет с лица земли. И Турулай должен будет отправиться в долгое путешествие, чтобы найти гнездо священного грифа, который съел его тело. Мудрая птица проведет его через царство мертвых, где он отыщет свою жену. И если Мино узнает Турулая в его новом теле, им будут даны три одинаковые счастливые жизни подряд».

Что-то я не помню такого в университетской программе. Да она скуднавата на мифы, если честно. Но это, наверное, какое-то новое убогонькое фэнтези. Бывшие квартиросъемщики не жалели книг в туалете...

Я ощущаю чье-то присутствие. Мне страшно. Страх заполняет мои руки, плечи, колени, мой живот. Не помню, когда это началось. Иногда у меня случаются приступы панических

атак. Я не чувствую себя в безопасности. Иногда они случаются, когда нужно выйти из дома. Но в таких случаях я уже почти научилась себя уговаривать. Тогда мне кажется, что единственное, чего я по-настоящему хочу, это перестать бояться.

Успокаиваюсь, стоя под слабыми струйками душа. Вода через кожу проникает в глубины тела. Чувствую каждый миллиметр своего тела. Чувствую себя плотной и наполненной. Через несколько минут, одетая, спокойно и уверенно берусь за замок входной двери – он открывается. Открылся! Я выхожу из дома. День близится к вечеру.

Сырость и прохлада чистого бетонного подъезда. В солнечный полдень очутиться в таком даже приятно. В редакцию я не пойду. Хотя там работа только-только началась... И можно было прожить этот рабочий день. Но мне хочется, чтобы они пошевелили мозгами сами. Пусть узнают, как это – без меня читать. Пусть поймут, что я – ценность.

И домой возвращаться нельзя, снова будет страшно... Вот я сижу и пью чай, да, а сзади кто-то кладет руку на плечо. И я точно знаю, что кроме меня здесь никого. Вот так может быть. Пропищав кнопкой кодового замка, я медленно открываю тяжелую подъездную дверь.

Улица заполнена жирным, настоявшимся и уставшим за день, воздухом вечера жаркого дня. Все вокруг говорит об облегчении. «Идем из магазина, и хорошо», – баяют вялые фигуры соседей. «Доиграли в футбол, идем обедать – и хорошо», – гогочут мальчишки. «Набегались, порылись в помойках, лежим под лавкой – и хорошо», скулят собаки. «Насмотрелись на небо, потряхнули листьями – и хорошо», – скрипят отливающие желтизной дворовые тополя. Всем хорошо. Все чем-то заняты.

А я? Я так внезапно оказалась вычеркнутой из общего ритма, как будто поворачиваешь за угол, а там – другая планета, в страхе бежишь назад – а там уже нет того, что было, и даже угла больше нет. И все, ты навсегда остаешься жить в чужой, марсианской, незнакомой реальности и делать вид, что все нормально, все как надо, лишь бы никто не заметил, что с тобой что-то не так.

Вдохнув нового воздуха, я решила не возвращаться в свою нежную тюрьму только потому, что на улице оказался не мой мир. Надо пойти хоть куда-нибудь, и я пошла направо от подъезда, дошла до помойки и повернула налево. А потом шла все время прямо мимо новых 16-этажек нашего района. Дома прекратились, зарябил забор из железных прутьев со следами старой покраски в зеленый.

Школа. Меня всегда привлекала школа, когда каникулы, и детей там нет. Представляю пустые коридоры – окна с одной стороны – двери с другой. Синие панели стен, выдраенные школьницами – летняя отработка, детский труд – там и тут белые пятнышки от порошка. Тоненькие детские пальчики скребут стену. Настоящие ремонтники белят потолок с помощью распылителя. Запах свежей извести. Запах чистоты и спокойствия. Школа будто плавает в тумане пыльного света свежего июньского полдня. В шкафу у литрички можно найти старое сочинение мальчишки из соседнего класса, который тебе нравится. Прочитать, как они с друзьями ездили рыбачить на реку, и на каких животных были похожи острова. Но больше всего нравилось, что учителя с тобой разговаривают не как учитель с учеником, не требуют с тебя домашку, не страшат тем, что ты никуда после школы не поступишь. Они становятся обычными людьми, как моя мама. Им нужно ездить на дачу поливать кабачки, их можно встретить на рынке и помочь донести картошку.

Я впервые пришла именно в такую школу, а не в первосентябрьскую, взорванную криками и суетой, новыми учебниками и прописями, обклеенную вырезанными из цветной бумаги осенними листьями и буквами: «Здравствуй, школа!». Мое «здравствуй, школа» было связано с распаковкой коробок с экспонатами для кабинета биологии. Я помогала маме «отрабатывать» родительский вклад в ремонт новой школы. Это был настоящий волшебный мир

знаний: банки с заспиртованными жабами и скорпионами, сборная модель головного мозга человека, конечно же, скелет человека и различные плакаты: ленточные черви, бычий цепень, строение плода яблони, строение цветка (цветоложе, чашелистик, лепесток, тычинка, пестик), перелетные птицы средней полосы России (белобровик, камышевка-барсучок, зяблик, камышовая овсянка, чибис, городская ласточка, озерная чайка, певчий дрозд), зимующие птицы средней полосы России (мохноногий сыч, московка, серая ворона, сорока, обыкновенный снегирь, сизый голубь, домовый воробей, большой пестрый дятел, лазоревка). Интересно, кто-нибудь еще помнит о том, что в городе может жить снегирь? Честно, не вспомню, когда в последний раз видела кого-нибудь, кроме облезлых привокзальных голубей и воробьев. Даже желтые брюшки синичек стали редкостью. А в детстве они все были здесь, рядом, не только на картинках. В городе можно было встретить даже дятла. Не того, у которого «не болит голова». Хорошее кино Динары Асановой.

Проникаю в школьный двор через дыру в заборе. Там никого нет. В сумерках белые стены с черными окнами кажутся порождением детского кошмара. Вот-вот увижу кровь на стеклах кабинета математики, и костлявая рука завуча схватит за горло. Трогаю рукой куст боярышника, ягоды уже совсем мягкие – скоро сентябрь? Я опять пропустила лето... И отлично. Скорее бы все вообще закончилось. Пусть мир рухнет – не жалко. Такой мир обязан уничтожить сам себя. Только бабулю жалко... И отца? Ну нет, так не честно. Если уж хотеть, чтоб мир рухнул, то пусть все погибнут. В голове что-то больно кольнуло. Я знаю, я снова лгу себе. Пусть все живут, ладно...

Надо теперь обойти вокруг школы, почувствовать вкус своей свободы, снова ощутить, что я больше не с вами, дорогие узколобые учителя, снова мысленно выкинуть все тетради. И сжечь!

За школой футбольное поле. Плешистая земля до желтизны протерта игроками. Похоже, поле популярно в районе. Рядом с ним, как обычно, змейка для маленьких и турники. Я любила висеть на турниках. Особенно вниз головой. Это единственное, что хоть как-то напоминало спорт из всего, что я когда-либо делала. И сейчас, зажав коленями палку турника, я с ощущением повторяющейся реальности, отпускала руки. Головой не ударилась, но волосы нормально так проволочились по земле и теперь пылились прямо под моими глазами. Может быть, хотя бы в этой позе мне придет в голову ответ... Ответ. Интересно, наверное, надо бы сначала задать вопрос. Какой? Слишком много вопросов одновременно пытаются прорваться сквозь узкий проем моего лба. Какой же? Или я уже задала его и забыла?

Упх! В нос ткнулось что-то мокрое, и я открыла глаза. Рыжая морда сеттера, теплое собачье дыхание – хакает от жары и бега. Я закрыла лицо руками. «Тур! Турик! Ко мне! Иди сюда! Фу! Ко мне!» – тут же закричал грубоватый детский голос. Топот, он рядом.

– Почему ты так висишь?

– Иди отсюда, девочка, – это месть за «Фу!». Ненавижу, когда хозяева кричат так собакам, если они обнюхивают людей, будто человек – это фу, гадость.

– Что??? – Неужели он меня пнет?

– Девочка, тебя случайно не Мино зовут?

– Нет.

– А как?

– Сережа.

– Сережа, ты убрал собаку?

– Да.

Открываю лицо – передо мной действительно Сережа лет тринадцати. Неуклюжий мальчик в большой рэпперской кепке. Широкие джинсы, из кармана свисают белые наушники. Я беру их и вставляю в уши. Мои уши теряют «яблочную девственность». Какой-то ниггер-

ский бред про то, что они убьют всех белых на районе и что сделают с их женами. Похоже, по английскому у него трояк. Собака выглядывает из-за его спины. Сережа от осознания моей неожиданной борзости, как маленький приложил левую руку к груди, прямо под горло:

- Чего ты так висишь?
- Хочу посмотреть, что там, под луной.
- И что там? – смотрит на небо.
- Не успела разглядеть, но что-то точно есть. Почему твоего пса так зовут? – я почувствовала раздражение, неприятный зуд в деснах, в зубах.
- Мама... назвала.
- А маму как зовут? Мино? – нужно отделаться от этого мальчика.
- Нет, она же не собака.
- Где кабинет вашего класса?
- На той стороне, не видно.
- А кабинет директора?
- Вооон то окно!
- Хочешь, разобьем?
- Нееее, страшно.
- Тогда пока! – я неуклюже спускаюсь с турника и поворачиваюсь в сторону проема в заборе.
- Э-э! Ты еще придешь? Приходи завтра!
- Посмотрим, – внутри у меня все улыбалось, но как-то нервно, истерически.

На следующее утро по пути на работу я думала о мальчике и собаке. Что-то знакомое было в них. Как пес дернулся в сторону из-за спины мальчишки, когда я слезла с турника – вот этот рывок был слишком родным. А потом собака подалась вперед и натянула поводок. Тур натягивает поводок и встает на задние лапы. Он встает на задние лапы. Я перематывала пленку памяти на этот момент снова и снова. Еще вчера, бросая свое небрежное «посмотрим», я знала, что приду.

Увидев меня, Митя участливо спросил, не заболела ли я? Сам он болел довольно часто, но не пропускал из-за этого работу и не ходил в больницу. На себя он просто плевал. Я сначала думала, что это из-за его обычной лени. Но потом заметила, что, если заболела я, он брал у матери телефоны врачей и настаивал, чтобы я позвонила им всем.

В этот раз я не хотела рассказывать о себе вообще ничего, поэтому размыла тему, мол, вчера у меня были трудности бытового характера. Он слишком хорошо воспитан, чтобы выяснять подробности моего быта и тем более его трудностей. Может, он мне и не поверил, смотрел на меня молча, как будто ждал продолжения. Но я включила свой компьютер и уставилась в монитор, давая понять, что беседа окончена. А может, ему и на меня стало плевать, также, как на себя. Митя поставил свою личную метку в начале следующего ворд-файла, мы всегда так делаем, чтобы было понятно, кто уже читал, а кто нет. Я посмотрела на него исподтишка, он забыл убрать с лица растерянную улыбку. Жалкая картина.

Моя очередь читать была после него. В последнее время я читаю последней, так как у меня лучше всех получается замечать ошибки. Первой читает Людмила Леонидовна Крех. Но она часто бывает слегка пьяной на работе с самого утра, поэтому Мите приходится перечитывать и переправлять всё после её читки. Так как Митя только начал это дело сегодня, я знала, что это надолго. Я решила не ждать, сидя на стуле, а ждать, сидя в столовой с чашкой кофе. У меня даже песенка сорвалась с губ, когда я пошла к двери. Бедный безнадежный простак Митя.

Длинная плиссированная юбка скрывала мои полноватые коленки и увеличивала попу, что должно было ограждать меня от посягательств офисных котов. Правда, у нас было полно сексуальных кур в обтягивающих брюках и с декольте, так что на меня и так мало кто обращал внимания. А через год работы в мою сторону совсем перестали поворачиваться мужские головы, и я слилась со стенами. Но защитную юбку носить нужно всегда! Ненавижу, когда ко мне пристают. Я прям мурашками от гадливости покрываюсь. Что ты можешь предложить мне, дорогой? Быть опорой твоего гнилого эгоизма? Угождать тебе с ужином? Угождать тебе с завтраком? Угождать тебе в постели? Нет, это больше не должно со мной повториться. Одного раза взаимной жизни достаточно, не хочу каждый раз оставаться изношенной, уставшей, забывшей о себе и своих нуждах идеальной женщиной, воспринимаемой как изящный предмет интерьера.

Днем воздух в редакции густой, наэлектризованный и неподвижный, как перед грозой. Все интеллекты одновременно включены в работу на полную мощность. Мне некомфортно, хочется выскочить из этой мыслительной духоты. К тому же в последнее время в коридорах или буфете я замечаю на себе сверлящие взгляды. Так как в моем поведении ничего не изменялось, я списываю это чувство на свое личное психическое расстройство. Дома меня также преследует ощущение присутствия в квартире кого-то еще. К тому же я давно не верю, что кто-то на работе способен заинтересоваться мной, я отлично защитила себя от вражеского вторжения: игнор у меня снаружи, игнор у меня внутри.

Секса я не боюсь, наоборот, один период моей жизни был пропитан настоящей зависимостью от секса. Я боюсь секса не с тем человеком. Женщина очень быстро на это подсаживается, и если она допустила до близости, то чаще всего с ней после этого можно делать что угодно. Мужчины это чувствуют, они обожают власть.

Но дело даже не в этом. Я просто боюсь. Сколько помню себя, немного чего-то боялась. Неважно чего. Легкий страшок все время сидит под нижними ребрами и дышит оттуда ядовитым зеленым туманом. Я частенько отскакиваю от своей тени. Да и кто ко мне подойдет, если я от всех шарахаюсь? Обычно я первой заговариваю с тем, кто мне понравился. Как правило, человек этого сначала пугается: кто здесь?

В редакции мне не нравился никто. Поэтому я сидела за столом на четверых в полном одиночестве, нюхала отвратительный кофе и разглядывала бело-голубую клетку узора клеенчатой скатерти, обильно украшенную расплывшимися дырками от случайно упавших на нее сигарет из неосторожных рук местных вечерних пьяниц. Дыры были расцвечены засохшими каплями борща, значит, сегодня на первое борщ. Случайно скользнув взглядом по полу, я заметила под соседним стулом мятый листок бумаги. Подняла его – это снова была страница из книги.

«И скажет жена мужу: „Дай мне это!“. И отправится муж в долгую дорогу через лес и переправу. Через горы. Через океаны. И дойдет муж до конца земли. И не найдет того, что ищет. Тогда поднимет он глаза к небу. И в отчаянии выпустит стрелу в ночное светило. И погаснет светило. И будут прокляты люди, и будет проклят тот муж».

Я аккуратно согнула лист пополам и положила в карман юбки. Снова этот сверлящий спину взгляд. Не оборачивайся. Кто-то играет со мной, или я сама с собой играю. Я уже не понимаю, где сон, а где явь и что из них что. Я больше не хочу это различать. Срочно отправиться в отдел кадров и написать заявление на отпуск. Я знаю это состояние. Я снова засыпаю, опускаюсь все глубже.

Выходя из столовой, я наткнулась на заместителя главного редактора, он повернулся и хлопнул меня по жопе как бы невзначай. Сука. Ненавижу.

– Александра, что-то вы ко мне не заходите?

Пх! И к нему мне идти за подписью. Ад... Но так это оставлять нельзя, это унижение. Вдруг кто-то видел?

– Петр Николаич, вы получили мою записку? – на него набросился кудрявый красавчик в зеленых джинсах. Недавно стал крутиться в редакции, не знаю его.

– Антон, ты меня мучаешь. Сделай как хочешь. – Ха-ха, похоже две липучки слиплись. Я поискала глазами сверлящий «взгляд». Пятеро, молодые и наглые, еще свеженькие, тоже новенькие здесь. Смеются. Ну-ну, скоро позеленеете и скиснете, как все.

– Александра, вы идете? – Петр Николаевич волочит за мной, зараза...

– Да, мне как раз нужно подписать у вас заявление.

Кудряш не отставал от нас, он решительно рванул за начальником в кабинет. Классно! Отличный способ не оставаться с ним наедине. Я поплелась за ними, разглядывая «липучки» розовые кеды.

В кабинете Петр Николаевич меня за что-то нежно журил, пытаясь взять за плечо, но я не слушала, писала свою бумаженцию. А липучий кудряш крутил возле меня зеленой попой. Рассказывал про свой проект, заискивал. Камеру фотографическую показывал. Зачем ему это? Понятно же, что скоро планете каюк и мы все вымрем как мамонты. Нечего больше сообщать, да и кому? Кругом одни зомби-зомби-зомби. Я отчаливаю с этого бумажного информационного кораблика, как крысиный король. С чувством победителя я отнесла подписанное заявление в отдел кадров.

Меня отпустили на две недели. Пусть Митя узнает получше, какая это ответственность – быть последним читающим. Я сложила все вещи в сумку и объявила об этом в отделе.

– Собираешься куда-нибудь поехать? – Митя оживился, стараясь глядеть бодрее.

– Еще не решила...

– Ты точно не заболела?

Я только слегка улыбнулась и махнула головой.

Ему не обязательно знать, что я и не собираюсь куда-либо собираться и что моя болезнь неизлечима. У меня аллергия на весь мир. У меня повышается выработка гормона сна при столкновении с миром. Мите это ни к чему. Это может навредить его представлениями обо мне. А он, как я заметила, настолько боится перемен, что носит одни и те же вещи годами. Да и не его это собачье дело, что в последнее время я часто просыпаюсь в слезах, с криком, рвущимся из горла. А я хочу спокойно выспаться и не могу. Я все время хочу спать.

Свобода. Это слово я узнала от бабушки. Когда я была маленькой, у неё с ним были свои счёты. Свобода – о ней постоянно говорили по телевидению и радио, вся социальная борьба 20 века была именно за свободу. Все революции – за свободу. Все войны, наши, освободительные, за свободу. Мы убили и замучили миллионы человек в борьбе за свободу. Отнимали жизнь, не глядя. Но мы так и не поняли, что такое свобода. И не понимаем до сих пор. Что значит, жить в свободной стране? Мы думаем, что свобода – это делать то, что хочешь. Но это лишь половина аспекта. Есть еще свобода делать то, что должен. Как и свобода не делать то, что хочешь, не делать то, что не хочешь, не делать то, что должен и не должен. Аспекты долга никто не отменяет в свободном обществе, именно это и возвышает его светом благородства. Если же, как сейчас принято, забыть о них, то получится развращенное постоянным удовлетворением своих желаний общество. Мы же думаем сейчас, что свобода заканчивается там, где начинается долг. Это недоразвитое сознание ущербного ребёнка.

Во время каникул я жила у бабушки и видела, как она тщательно следила за тем, чтоб никто не предпринимал в отношении неё насильственных действий. Все, что с ней происходило, она разделяла на то, что она хочет делать и делает по собственной воле и то, что она делать не хочет, но делает из соображений долга и по собственной же воле. Она проговаривала это вслух. Встает на работу и говорит, мол, вот, вставать не хочу, но надо. Она отставляла

в сторону тарелку каждый раз, когда понимала, что больше есть не хочет. Она выбирала себе рубашки по утрам: хочу—не хочу. Что я сегодня хочу? Она могла позвонить днем и посоветоваться насчет того, что будем есть на ужин. Мама же у меня никогда не спрашивала, что я хочу. Она просто ставила передо мной тарелку. Бабушка не ругала меня, она говорила, что я очень хорошая девочка, которая иногда может пошалить. А мама всыпала мне ремня каждый раз, когда случалось что-то, что ей не нравилось или портило ей настроение. Я не верила, что мама — её дочь. Но это было так.

Когда бабушка все же ушла на пенсию, у нее случилась тяжелая болезнь. Желчный пузырь перестал работать, что она только не делала, пила травы и таблетки, ходила по врачам. Но в какой-то момент она поняла, что больше от нее ничего не зависит, её отношения с желчным пузырем были закончены. Она позволила врачам отрезать его. Я думала, она расстроится. Но она сказала — это нормально, это судьба. С тех пор я никогда не видела ее в плохом настроении.

Свобода. Мой летний отпуск пройдет в 35-и квадратных метрах... Мечта сбывается. Я растворилась среди своих вещей, курсируя по маршруту ванная — постель — кухня. Когда снимала эту нору, хотелось глубоко погрузиться в сон. Я больше не видела счастливых моментов из веселых романтических комедий типа «Отпуск по обмену» Нэнси Мейерса или «Реальная любовь» Ричарда Кёртиса (неужели такое вообще бывает?), не видела мужей, детей, котов и друзей. Особенно друзей. Я настояла на выносе всей хозяйской мебели и кинула на пол матрас. Лежа на правом боку, завернувшись в шерстяное клетчатое одеяло, я проводила свободные часы. Это была кома. Времени не существует, пространства не существует, я парю в лиловом тумане. В фильмах так поступают наркоманы, которые хотят избавиться от зависимости. Завязать навсегда. Я наркоман и я знаю, с чем я хочу завязать навсегда. С людьми, с отношениями.

Такое существование можно вести в любой точке планеты, разница будет лишь в толщине твоего одеяла. Закрываю глаза и чувствую на щеке пробивающиеся сквозь щели лачуги тяжелые солнечные струи. Кожа на руках как будто промаслена, облизываю пухлые губы. От едкого сладкого дыма у меня наступает эрекция. Лево́й ладо́нью прикрываю глаза — веки не дают даже сумрака. Правой мягко берусь за член, делаю несколько движений и проваливаюсь глубже. Я лежу на печке, укрытая жесткой шкурой. В доме темно, я знаю, в нем всегда темно, потому что окон нет и на улице уже полгода ночь. Сегодня особенная ночь — буран. Рыбаки не возвращаются, они заблудились. Нужно идти в баню, но подняться нет сил, и я закрываю глаза. Я лежу на дне лодки, сил еще много, но я смотрю на звезды в ярко-черном небе и раздумываю. Можно вернуться домой, но надо попробовать спасти остальных. Я поднимаюсь и гребу глубокую, как ночь, жирную ледяную смерть. Она так прекрасна, и я отражаюсь в ней. Надо возвращаться, возвращаться...

Дедушка, папин отец, он бы меня понял. Он жил практически один в вымершей деревне. Несколько лет перед его смертью туда приезжали только дачники. Однажды я отправилась к нему одна, без родителей. Они не любили его навещать, мама особенно. Терпеть не могу мамину критику в адрес дедушки. Ехала четыре часа на междугороднем автобусе, потом пересадка и еще полтора часа на разбитом уазике по проселочной дороге, а потом еще три километра через лес пешком. Я порядочно устала, да и день подходил к концу. В деревне уцелела только одна улица, остальные плотно заросли травой, дома не развалились, но стекол в окнах не было, из них уже торчали тонкие прутья молодой поросли. Дома проросли. Выглядело это жутко. Даже зимой дедушка не брал доски от чужих заборов на растопку печки, у него всегда были свои дрова. Дачники брали. Поэтому заборы были похожи на беззубые старушечьи рты.

Дедушка не встретил меня у калитки. Старый-старый Князь, с которым он охотился, лежал на крыльце. Он завыл, увидев меня. Бросился ко мне и стал подпрыгивать. Но как-

то не радостно. Я вошла, дедушка спал на кровати. Но так спал, что я сразу все поняла. Я покопалась в ящике комода, нашла свечу и зажгла ее. Дедушка любил свечи.

Князь скулил у кровати. Прощался.

Нужно было срочно сообщать родственникам. На мобильнике одно деление – нет сети. Я пошла по деревне искать место повыше, чтобы позвонить отцу. Но инквизиторские попытки телефона увенчались только чудом отправленной смской папе. Мне предстояла ночь в мертвой деревне с мертвым человеком в единственном живом доме. Я забралась на топчан на веранде, позвала Князя, обняла его горячую тушу и стала смотреть сквозь квадратики стекла на ночное небо. Такое прекрасное ночное небо, такое ясное, когда оно не заглушается электрическим светом.

Половицы заскрипели, дедушка подошел и сел на стул напротив меня.

– Ты не умер?

– Умер.

– Я сплю?

– Спишь.

– Тебе хорошо?

– Да, рад, что ты приехала. Все ждал-ждал тебя. Дождался.

– Я тебя сама похороню. Прости. Дедушка, почему ты тут жил один?

– Не хотел бросать Марусю, она лежит у правого края кладбища в третьем ряду. Похорони меня рядом с ней.

– Хорошо.

– Не бойся, Сашка, я ушел, другой придет.

– А кто придет? Кто? Ты знаешь?

– Знаю, но тебе пока не положено, нет разрешения тебе знать.

– Дедушка...

– Проследи, чтоб кольцо на мне было обручальное, когда в гроб положат. В подполе посмотри за лестницей что-то есть для тебя. За мной не ходи, живи. Прощай. – Он поцеловал меня в голову, я зажмурилась, хотела обнять его, но вместо него была только дорожка лунного света. Неужели и вправду приснилось?

Отец приехал еще до света. Зашел с фонариком, стал стучать в дверь. Князь живо отозвался.

– Привет, дочь, так это правда?

– Да. Проходи. Вон там.

– Не могу так сразу. Дай отдышусь.

Отец сидел на крыльце и курил. Три подряд. Оттягивал момент. Только сейчас, в синих рассветных сумерках я увидела, какой он седой. Села сзади него на корточки и обняла его за спину. Я совсем его не знаю, люблю его, но не знаю, мне его так жалко. Жалко, что не получилась у него счастливая жизнь. И я винюсь перед ним, что никак не могу помочь.

– Папа?

– М?

– Ты любил маму?

– Конечно, – он наклоняет голову, как будто отстраняясь от меня и вспоминая. – Особенно в начале.

– Какая она была?

– Веселая и красивая, как ты, – поворачивается ко мне. – Бойкая, все у нее получалось хорошо, – это уже не про меня. – Она знала, чего хочет, – и он посмотрел в небо, как будто это она умерла, а не дедушка.

– А сейчас?

– Сейчас уже ничего не ясно, как будто и не жили жизнь.

- Дедушка просил похоронить его рядом с бабой Марусей.
- Когда?
- Давно. Еще в прошлый мой приезд.
- Что же молчала?
- Так...

Дедушка меня понимал. Он говорил, что надо делать все по-своему, как душа лежит. Потому что жизнь твоя и жить надо ее изнутри, а не снаружи. Чужими мозгами умным можно только слыть, а не быть. Так говорил. Из всех, кого знаю, я стала бы разговаривать сейчас только с ним. Время от времени предпринимаю вылазки в магазин за молоком и сосисками. Все же смотрю на людей. Они опротивели мне со своим стремлением жить и копить, копить, копить. Зачем им квартиры, для каких неведомых целей машины, и уж совсем непонятно, куда они девают столько стиралок, микроволновок, соковыжималок, которыми пользуются раз в год? Они хоть знают, какой вред приносят нам всем микроволновки? Бабушка выкинула свою после того, как обнаружила, что под ней рассыпался стол из ДСП. Я читала в интернете, что СВЧ-печи изобрели нацисты, а советские ученые запретили их на территории СССР. Но теперь, когда все завалено ими, нам не спастись. Даже если в твоей квартире нет микроволновки, она есть у соседей, которые разогревают в ней молочко для своего маленького ребенка – мутанта новой жизни. А волны от этой печки проходят через стену и заставляют твои клетки меняться. Ты ничего не можешь поделать, потому что так решили твои соседи, которые даже не знают о том, что ты есть. Нет, ты можешь направить к ним через стену волны своей ненависти. Тогда у вас будет полная гармония во взаимоуничтожении.

Лежа на матрасе, я взращиваю в себе вражду к миру, противопоставляюсь даже воздуху с улицы, пока кости не начинают ныть от потребности двигаться. Тогда я собираюсь с духом, натягиваю старые джинсы и, сторонясь встречных людей и собак, еду в центр города в большой магазин игрушек. Там я возвращаюсь в мир детских фантазий и превращаюсь в ту настоящую себя, которая точно знает, чего она хочет. Играть. Играть блестящими вещами. Особенно это чувствуется, когда декабрь, и дело идет к Новому Году.

Целый этаж освобождается от длинноногих, грудастых пластмассовых красавиц с тупыми выражениями на лицах, которых я просто терпеть не могу. Люблю маленьких, смешных и как будто ущербных уродок. Но они такие трогательные! Настоящие.

Пространство заполняется сиянием стеклянных шаров всевозможных размеров и разноцветных шишек, покрытых блестящим песком колючего снега. Я смотрю на вытянутое отражение своего лица в шарах, перетекающее из одного в другой – красное, зеленое, синее. Потом иду искать стеллажи с оленями, клоунами, ангелочками, медведями, балеринами. Они смеются своими керамическими лицами, прячут что-то за спинами. И я верю, что сказка существует и вот-вот именно для меня появится чудесный подарок. Им невозможно не верить. Дальше я иду к домикам с горящими окошками и фонарикам. В каждом доме, даже таком маленьком, кто-то должен жить. И я всегда знала, что там живут эльфы и гномики. Они нас боятся, поэтому прячутся. Мы можем отнять их колдовство и затиснуть до смерти. Я аккуратно подношу стеклянный домик к губам и шепчу желание. Уверена, эльфы его исполнят. Причудливые отблески искрятся внутри от мигающих огоньков. Трогаешь пальцем чудо, проверяешь, настоящее ли – останавливаешься на мгновение. И вдруг видишь главную елку! Вершина ее уходит вверх, к потолку, и почти не разглядеть сияющую макушку. Надо смотреть на подножие елки, укрытое широкими лапами, разодетыми в парадные банты и бусы. На лапах искрится искусственный снег, отражая свет гигантских хрустальных люстр. А под елкой настоящая жизнь: по кругу ходит, грохочет железными локтями поезд, в его вагонах едут волки, зайцы, лисы, крокодилы, куры и пингвины, коровы и жирафы. Ближе к стволу сидят золушки и белоснежки,

спящие красавицы и прекрасные принцы, шелкунчики с золотыми грецкими орехами. Во главе этого царства – Дед Мороз с целым мешком тайных желаний и негаданных сюрпризов. Красные щеки его горят, зацелованные метелью, через которую он мчался на расписных санях, волшебный посох наготове – только не ленись и загадывай, загадывай, чудо обязательно произойдет!

Надо закрыть глаза и сосредоточиться в этой бесконечно-веселой песне и восторженных детских криках. На ватных ногах иду через кассы на улицу, выдыхая в вечерний воздух жар души и остатки желаний. По дороге домой все время думаю о том, что купила, и как распределить подарки между близкими. Дома достаю грустного деревянного зайца в розовой шубке, веселого матроса и загадочного ангела с проволочными ручками. Долго разглядываю их, улыбаясь, трогаю их неровности пальцем. Вешаю новых друзей на гвоздики на стене и какое-то время еще пребываю в дурмане нахлынувших мечтаний... Приятнее всего о Новом Годе мечтается именно летом. Как только становится жарко и с тополей начинает лететь пух, немедленно хочется, чтобы это был чудесный, таящий на губах, прохладный и самый настоящий снег. А не летающая тополиная вата, забивающаяся в нос и норовящая залепить глаза.

Сквозь обычный дневной шум с улицы различаю голоса. Мужские голоса, хриплый, настаивающий и более молодой, ленивый голос, как будто растягивающий жвачку во рту. Слова не разобрать. Но по голосу можно многое сказать о человеке. Почему-то мне становится страшно. Я подхожу к окну, чтобы разобрать, о чем они говорят.

– Тебе не наврали, там точно никого?

– Да ты достал! Не могут люди не выходить из квартиры неделю. Уехали они.

– Ну не знаю, моя бабка, когда померла...

– Нет там мертвых бабок! Не ссы, дело верное. Я на той неделе подпилил там что надо. Пошли!

Скрипнула подъездная дверь. Я подошла к входной двери. Шагов не слышно. Кашель. Кто-то стоит на площадке, различаю суетливую возню. Вдруг в мою дверь что-то упирается снаружи, и мой дверной замок раскручивает обороты, открываясь. Толчок. Цепочка на двери натягивается. Благо, я всегда полностью закрываю дверь.

– Я звоню в милицию, – сиплю от страха я.

– Атас! – тонкий шепот и быстрые шаги, хлопок подъездной двери.

Я опускаюсь на коврик у двери. Часто дышу, проглатывая сердце, застрявшее в районе горла. Еще чуть-чуть и хозяева квартиры решат, что я сбежала, не заплатив, и приведут нового жильца. Надо срочно поменять замок и врезать второй, для верности. Вот почему он не срабатывал тогда, когда я прогуляла работу. Он говорил, что подпилил там что-то... Точно.

Кстати, это же в тот день появился Сережа. Потом я еще думала, не приснилось ли мне все это. И ходила к школе проверить, будет ли там мальчик.

Я пролезла в дыру в заборе, чтоб не давать круг до главного входа. Сережа играл с Туром, кидал ему палку. Мальчик здесь, значит, это не сон. Ну и все, не буду подходить. И я повернула назад к забору. Но Тур заметил меня, мгновенно оказался рядом и стал прыгать вокруг, сбивая с ног, пытался дотянуться носом до моего лица. Мальчик его оттащил за ошейник.

– Давай разобьем окно директора?

– Тебя из школы выгонят.

– Ты же сама предлагала?

– Проверяла, насколько ты опасен.

– И как?

– По шкале опасности подростков твой уровень опасности чуть выше среднего. Ну я пойду. Я тут случайно проходила.

– А ты кино смотришь?

– Пф!

– Я обожаю про шпионов.

– «Дети шпионов»? – я решительно шагнула за забор и спокойно пошла, прислушиваясь к шагам за спиной.

Сережа меня догнал.

– Почему? Почему мой уровень чуть выше среднего?

– Потому, – я сказала довольно резко, но он не отставал, – у тебя агрессивное любопытство, что дает тебе большой уровень опасности для окружающих, но в действиях ты себя сильно ограничиваешь, значит, сдерживаешь сам себя, что делает тебя сравнительно безопасным.

– Что значит «агрессивное любопытство»?

– Вот это и значит.

– Что?

– То, что ты сейчас делаешь.

Мальчик хочет со мной дружить, а я дрессирую его, как собаку. Дрессирую держаться от меня подальше, но при этом проявляю к нему любопытство. О, нет, только не новые люди! Я не должна так много думать о Сереже, мне нравится о нем думать, но я не должна этого делать. Никаких дружб.

Надо срочно чем-то отвлечься, не думать, не думать, не думать об этом. Вот бы сейчас пошел снег. Вот бы пошел снег прямо сейчас.

Было бы так, что на улице очень жарко и при этом с неба плавно спускаются холодные хлопья снега. В детстве мне казалось, что так может быть, например, в Кейптауне, потому что он прямо напротив Антарктиды и, говорят, пингвины традиционно и массово проводят там медовый месяц. Но скорее всего, так бывает только во сне. Во сне. Во сне. Во сне.

Сколько раз я бежала во сне через заснеженное поле! Один раз даже ехала через него на белом коне, один раз даже опаздывала на самолет в летний город, преодолевая снежное препятствие. Всегда с разными чувствами, но ни разу с чувством холода. Думаю, это не связано с тем, что в реальности я, конечно, не бегу по снегу, а лежу в кровати под одеялом. Ведь я чувствую вкус любой еды во сне, могу оценить температуру воды, ее консистенцию и соленость, я по-настоящему испытываю кайф от плавания и даже писаю без всяких последствий для матраса, во сне я могу летать и доводить себя до оргазма с помощью мысли. Я могу сама решать просыпаться или нет, а также возвращаться в прерванный сон. Всему этому я научилась в результате долгих и упорных тренировок. Мне просто приятно этим заниматься. Но почувствовать во сне, что снег холодный, я почему-то не могу. Наверное, где-то очень глубоко в своем подсознании я не считаю его холодным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.